

ДМ. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

О современном состоянии русской поэзии

<Фрагмент>

<...>

Петербургская поэзия идет не от Блока (величайшие поэты всегда бесплодны), а от Вячеслава Иванова, Кузмина и Гумилева.

Вячеслав Иванов в 1906–1912 гг. мог сказать про себя, как Людовик XIV: «Петербургская поэзия — это я». И хотя он давно, кажется, не был в Петербурге, для петербуржцев он остался петербуржцем. Ценность Вячеслава Иванова в том, что он прозревал Культуру Вечности сквозь великолепные многообразные оболочки Культуры временной и скрытые силы космические сквозь математические оболочки форм эстетических. Смысл «Переписки» именно в этом (бесплодном, как всякое философствование) споре между познавшим Единство в Многообразии Вяч. Ивановым и пресыщенным беспринципным разнообразием Культуры Гершензоном. В Вячеславе Иванове есть что-то Олимпийское, сверхчеловеческое, и поэтому он кажется холодным и довольным. Это неверно. Разрешение в мысли Вячеслава Иванова дано только потенциально, и поэтому он — вечно напряженный и волящий *путь* от эмпирического несовершенства в совершенство опыта реальнейшего. Вячеслав Иванов за последние годы дал много ценнейшего. Он стал из поэта кружкового и эзотерического поэтом по существу всечеловеческим и всенародным. Поэзия его нужна всем, и если к ней не идут или ее не понимают, тем хуже для непонимающих и не идущих. Циклы «Человек», «Человек един»* и «Гимны Эросу» замечательны, но если бы он написал только «Зимние сонеты», и тогда он был бы драгоценнейшим поэтом современности. В них есть совершенство, иного порядка, чем в «Двенадцати», совер-

* В НЖ явная опечатка: «Один»

шенство высокой аскетики. Они устремлены не к музыкальному потоку вещей*, а к «Неподвижному Солнцу Любви»**. В простоте и повседневности (увы!) своей темы он открывает бездонные колодцы сквозь все пласты бытия. Но замечательно не столько это, сколько чистота проникающего их индивидуального духа. Это отчищенное до последней чистоты мужество человека, стоящего лицом к лицу со смертью, Небытием и Вечностью.

<...>

1978

Вячеслав Иванович Иванов

<Фрагмент>

<...>

С 1905 года он становится главой и учителем петербургских поэтов и сохраняет это положение до разложения символизма (1912). Поэзия его насыщена тысячелетиями культуры, полна разнообразнейших реминисценций и архаичным, глубоко обдуманном языке отделена от языка современности. Мастерство его глубоко сознательное, до мелочей взвешенное, далекое от непосредственности и вместе с тем упорно избегающее шаблона. Молодых поэтов, на которых его влияние было велико и благотворно, он учил упорно и добросовестно работать, ничего не оставляя случайности, не терпеть в стихе «пустого места», стремиться к тому, чтобы каждая точка в нем была действенна. Глубокая, благородная и безусловно упадочная культурность («византийство») Иванова с большой привлекательностью сказалось в написанной им части «Переписки из двух углов» (с Гершензоном, 1920), одним из лучших плодов новой русской культуры.

1924

* в главке Блок....

** Вл. Соловьев Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.